

УДК 81.367

DOI 10.52070/2542-2197_2021_8_850_80

Ю. Б. Маркова

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры грамматики и истории английского языка

факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета

julia@themarkovgroup.com

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ОБЩЕГЕРМАНСКОГО И СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье проводится сравнительный анализ грамматического строя общегерманского и старославянского языков в первые века нашей эры, непосредственно предшествовавшие их распаду на отдельные близкородственные языки. Применяются: дедуктивный метод, метод непосредственного наблюдения, метод синхронного описания данных грамматических таблиц учебников по старославянской и древнегерманской филологии. Результаты исследования суммируют ряд древнеславянских и древнегерманских изоглосс данного периода.

Ключевые слова: старославянский язык; общегерманский язык; флективные языки; именное и местоименное склонение.

Ju. B. Markova

PhD (Philology), Associate Professor,

Associate at the Department of Grammar and the History of English,

Faculty of the English Language,

Moscow State Linguistic University

julia@themarkovgroup.com

CONTRASTIVE ANALYSIS OF GRAMMAR CATEGORIES IN COMMON GERMANIC AND OLD SLAVONIC

The article is dedicated to the contrastive analysis of grammar in the two above mentioned Indoeuropean languages in the first centuries of our era right before their splitting into separate closely related languages. The following methods are used in the article: a deductive method, a method of immediate observation, a method of synchronic description of grammar tables from manuals on Old Slavonic and Old Germanic philology. The results of the research sum up a number of Old Slavonic and Old Germanic isoglosses of the given period.

Key words: Old Slavonic; Common Germanic; inflected languages; nominal and pronominal declension.

Введение

Близость современных германских и близость современных славянских языков объясняется общностью их происхождения: протогерманским (общегерманским) происхождением первых и праславянским (общеславянским) происхождением вторых.

Предметом изучения выступают именные и глагольные грамматические категории в общеславянском и общегерманском языках.

Актуальной представляется **задача** сравнения грамматического строя вышеуказанных древних языков в момент, непосредственно предшествовавший их распаду на отдельные близкородственные языки, многие из которых прошли свой самобытный путь развития, пока не приобрели современные черты.

Изучение разных диалектных групп внутри индоевропейского праязыка проясняет логику развития германских языков, неразрывно связанных со своим индоевропейским прошлым. Подобная задача до сих пор не ставилась.

Материалом данного исследования послужили лингвистические данные грамматических таблиц по истории старославянских и древнегерманских языков, почерпанные из учебных пособий по древнегерманской и древнеславянской филологии.

Краткий экскурс в историю

Праславянский племенной язык и протогерманский язык восходят к праиндоевропейскому языку. Древнегерманские диалекты составляли в нем отдельную группу, которая предположительно выделилась из праиндоевропейского единства в IV тысячелетии до н.э. на полвека позже, чем обособились от древних индоевропейцев хетты, и на тысячу лет раньше, чем отделилась сначала балтославянская группа, а затем и праславяне, говорившие на праславянском языке. Праславяне соседствовали с прагерманцами на территории от берегов Эльбы до побережья Балтийского моря. И те, и другие в первые века н. э. (II–V) делились на близкородственные племена, говорившие на общем праславянском или соответственно на общегерманском языке, но с наметившимися диалектными членениями.

Под старославянским языком ученые-слависты понимают «обработанный македонский диалект древнеболгарского языка» [Турбин,

Шулежкова 2021, с. 27]. Про германские языки можно сказать, что их северногерманская группа древнескандинавских языков со скандинавским языком-основой лучше всего отражает общегерманское состояние, а из языков, выделившихся из древнесеверного языка, в наибольшей степени архаичным является древнеисландский, «законсервировавший» наиболее древние его формы [Стеблин-Каменский 2017]. В нашем исследовании мы будем также опираться на данные готского языка (восточно-германская группа германских языков), дающего самые ранние письменные сведения о германских языках, и древнеанглийского языка (западногерманская группа германских языков) для полноты картины.

И современные славянские, и современные германские языки унаследовали свои основные грамматические характеристики из праиндоевропейской эпохи, пройдя через праславянский или общегерманский период соответственно. Конец обоих периодов знаменовал формирование диалектных групп, которые лягут в основу западнославянских, восточнославянских и южнославянских языков, с одной стороны, и западногерманских, восточногерманских и северногерманских языков – с другой. В частности, «формирование грамматических правил отдельных литературных славянских языков, в том числе русского и болгарского, проходило под непосредственным влиянием старославянского языка» [Турбин, Шулежкова 2021, с. 105].

Именные части речи и их грамматические категории в общеславянском и общегерманском языках

Номенклатура именных частей речи и в старославянском, и в общегерманском была шире, чем теперь, поскольку она наследовала индоевропейскому состоянию. Она включала: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, числительное, причастие, а также в общегерманском инфинитив, который в старославянском застыл в форме дательного падежа единственного числа и относился к неизменяемым формам глагола, наравне с супином. Грамматические категории, их наполнение и синтетические способы формообразования также имеют множество пересечений в обоих древних языках (о них пойдет речь ниже на примере конкретных частей речи: именных и глагольных).

Первое важное отличие старославянского от общегерманского заключается в роли ударения в передаче грамматических значений. В старославянском с помощью ударения различались формы существительных среднего рода (*села* род. пад. ед. ч. – *сѣла* им. пад. мн. ч.) [Турбин, Шулежкова 2021]. В общегерманском ударение было динамическим и фиксированным на первой корневой морфеме. Исключение составляли существительные, в которых ударной могла быть приставка. Неслучайно в современном английском языке в некоторых заимствованных словах ударению отведена роль различения существительных и глаголов, при этом в существительных ударной является приставка, а не корень, как в глаголах: *`transport – to transport*; *`entrance – to entrance*; *`conduct – to conduct*. Ударение в общегерманском, как и долгота гласных, не могло выполнять функцию разграничения грамматических форм. Долгота гласных имела смысловозначительную функцию наподобие современных английских существительных (*a sheep овца* произносится с долгим гласным – *a ship корабль* с кратким). Интересно отметить тот факт, что в современных скандинавских языках, сохранивших некоторые музыкальные тоны, ударению также отведена смысловозначительная функция. С помощью разных тонов в шведском различаются слова: *tomt участок земли* и *tomte гном*.

У старославянского и древнегерманского существительного было одинаковое количество грамматических категорий: род, число, падеж, склонение. Рассмотрим подробнее их содержание.

Три формы рода одинаково характерны как для старославянских, так и древнегерманских языков. В старославянском также представлена категория одушевленности / неодушевленности. У одушевленных существительных было особое окончание. В данном случае можно говорить о сохранении следов древнейшего деления на род одушевленный и неодушевленный. В латыни эта древняя категория отражена благодаря наличию существительных общего рода, например: *canis, is собака*. В современном шведском по-прежнему жива категория одушевленности / неодушевленности, хотя в древнесеверном и в других древнегерманских языках она уже отсутствовала. В древнегерманских языках род биологический не всегда совпадал с грамматическим, что свидетельствует о том, что род в общегерманском был грамматической категорией. Деление по основам склонения предшествовало

делению по родам. Существительные распределялись по нескольким типам склонения и получали род в зависимости от своего типа склонения. В древнеанглийском языке категория рода выражалась не столько формой существительного, сколько формой местоимения или прилагательного, квалифицирующего существительное.

В старославянском во всех частях речи были последовательно выражены три формы числа: единственное, множественное и двойственное. В общегерманском, насколько можно косвенно судить из данных по готскому языку, в котором формы двойственного числа сохранились лишь у местоимений и у глагола, эти формы должны были быть представлены более полно. Сегодня мы употребляем формы двойственного числа, даже не подозревая об этом. Мы говорим: *два коня*, но *трое коней*. Русское слово *очи* есть ни что иное, как сохранившаяся форма двойственного числа (множественное число звучало как *очеса*), которую мы теперь употребляем как форму множественного числа (*око* – *очи*). Современное русское местоимение *оба* – это старославянское количественное числительное *два*. А современное русское количественное числительное *два* есть застывшая форма двойственного числа мужского рода. Равным образом обстоят дела и в современном английском языке. На присутствие следов двойственного числа в современном английском языке указывают следующие формы:

- 1) *the upper* – *the lower* прилагательные *верхний* – *нижний* употребляются с определенным артиклем как лимитирующие определения;
- 2) *the former* – *the latter* прилагательные *первый из вышеназванных* – *второй из вышеназванных*;
- 3) *the other* – относительное местоимение *другой / второй из двух*, употребляемое в противовес другому относительному местоимению *another* – *другой из неопределенного, неограниченного количества предметов или лиц*; некогда древнеанглийское порядковое числительное, вытесненное в среднеанглийский период французским заимствованием *second*;
- 4) *either* – относительное местоимение *любой из двух*, употребляемое в противовес другому относительному местоимению *any* – *любой из неопределенного, неограниченного количества предметов или лиц*;

- 5) *neither* – отрицательное местоимение *никакой из двух*, употребляемое в противовес другому отрицательному местоимению *none* – *никакой из неопределенного, неограниченного количества предметов или лиц*;
- 6) *both* – относительное местоимение *оба*;
- 7) специальные формы превосходной степени прилагательных для двух предметов или лиц, например: *He was **the more talented** of the **two** brothers* (Он был самый талантливый из *двух* братьев) в противовес привычной форме превосходной степени для неопределенного, неограниченного количества предметов или лиц: *He was **the most talented** of all* (Он был самым талантливым из всех).

Старославянский язык различал семь падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный (как в современном русском), а также два очень древних индоевропейских падежа: местный (локатив) и звательный (вокатив), которые были представлены также в латыни и древнегреческом. Местный падеж указывал на место действия, например: *domi* (лат.) – *дома*. Звательный падеж в старославянском имели существительные мужского и женского рода с первого по четвертое типы склонения и только в единственном числе, например: *Отче наш, иже еси на небеси!* Звательный падеж присутствовал в готском, но был уже омонимичным с винительным падежом. Остатки форм инструментального (творительного) падежа в древнеанглийском – это застывшие в этом падеже наречия, например: *nude* – *необходимо*.

Старославянские существительные склонялись по шести типам склонения в зависимости от тематического суффикса (детерминатива), а вовсе не в зависимости от категории грамматического рода, развитой весьма слабо в древних языках. В общегерманском его принято называть основообразующим суффиксом. Таким образом, в обоих древних языках мы наблюдаем трехчастную морфологическую структуру: корень, суффикс, окончание. В праславянском и протогерманском тематический / основообразующий суффикс отсылал существительное к семантическому классу, объединенному общим значением детенышей, родственников, животных. Так, все детеныши в общегерманском попадали в *-s* класс, например, в древнеанглийском: *lamb* *ягненок*; *cild* *ребенок*; *sealf* *теленки*; а кровные родственники в *-r* класс: *dohtor*

дочь; sweostor сестра. Первоначально окончания падежей совпадали во всех типах склонения, отличались лишь основообразующие суффиксы. Впоследствии старые значения суффиксов стерлись или они слились с окончаниями в одну морфему, вызвав разноречие в окончаниях падежей. Вместе они стали восприниматься как показатели грамматических категорий существительных (рода, числа и падежа).

В старославянском и общегерманском наблюдалась гораздо большая близость именных частей речи друг другу, чем в современных языках, развившихся из этих языков-основ. Причиной этого является древняя нерасчлененность праиндоевропейского имени, из которого позднее выделились в отдельные части речи существительное, прилагательное, местоимение, числительное, а также причастие и инфинитив (бывшее отглагольное существительное). В современном английском на эту древнюю индоевропейскую нерасчлененность имени указывает такое явление, как возможность субстантивизации прилагательных (*the good* – абстрактное значение *добро*; *the English* – собирательное название нации *англичане*; *the Liberals* – собирательное название политической партии *либералы*; *the poor* – собирательная социальная страта *бедные*), числительных (*it takes two to tango* – для танго нужны *двое*; *I saw three men, all the three were sailors*. – Я увидел троих человек, все *трое* были моряками) и причастий (*the wounded* – собирательное употребление *раненые*; *the present / the past* – абстрактные значения *настоящее / прошедшее*). Субстантивизация может быть частичной (*the good*) и полной (*a Liberal – two Liberals; a first born – перворожденный; Englishes* – виды английского языка в Англии и за ее пределами).

Старославянские прилагательные и причастия могли иметь как краткие, так и полные формы. Первые древнее вторых, поскольку разряд полных прилагательных возник в результате присоединения указательных местоимений к кратким прилагательным [Турбин, Шулежкова 2021]. Из кратких действительных причастий позднее развились деепричастия. Краткие прилагательные и причастия «не только обладали теми же категориями рода, числа и падежа, что и существительные, но и склонялись точно так же, как имена существительные, то есть по именному типу» [Турбин, Шулежкова 2021, с. 105]. Удивительным образом древняя категория определенности / неопределенности имеет интересные параллели как в старославянском, так и в общегерманском. Разряды старославянских кратких и полных

прилагательных и причастий имеют соответствия в общегерманском в виде слабого и сильного типа склонений прилагательных. Слабые германские прилагательные, как и краткие славянские, древнее, чем сильные. Морфологической моделью для образования слабого склонения прилагательных послужил древнеиндоевропейский консонантный тип склонения с основой на *-n-* (в латыни *homo, hominis*; в русском *время, времени; племя, племени; знамя, знамени; семя, семени*). Сильные прилагательные возникли благодаря проникновению местоименных окончаний в склонение имени. Несовпадение двух языков проявляется в следующей зеркальной противоположности: краткие прилагательные употреблялись предикативно и были связаны с категорией неопределенности, а полные употреблялись атрибутивно и были связаны с категорией определенности. Также необходимо отметить, что древнеанглийские прилагательные мужского и среднего рода сохранили формы инструментального падежа.

Числительные в обоих языках изменялись по родам и падежам, как прилагательные. Количественные в общегерманском склонялись по сильному типу, а порядковые – по слабому. Порядковые числительные в старославянском имели краткие и полные формы, при этом краткие формы склонялись по именному типу, а полные – по местоименному, как прилагательные. Количественные числительные в старославянском языке частично сближались с существительными, частично – с прилагательными.

В обоих исследуемых нами языках местоимения подразделяются на две неравные группы:

1) древние индоевропейские супплетивные местоимения 1-го и 2-го лица единственного, двойственного и множественного числа. У них отсутствовала категория рода. Старославянские местоимения при этом обладали категорией одушевленности, как и старославянские существительные. Эта категория проявлялась в совпадении форм винительного падежа с родительным;

2) все остальные: указательные, относительные, вопросительные, неопределенные, отрицательные. Древнегерманские указательные местоимения, в отличие от старославянских, утратили двойственное число и местный падеж, но сохранили творительный падеж. Важно отметить, что в обоих древних языках отсутствуют личные местоимения 3-го лица. Вместо них использовались указательные

местоимения, из которых позднее развились личные местоимения 3-го лица в отдельных германских и славянских языках. Характерной особенностью склонения этих местоимений является совпадение форм всех трех родов во множественном числе.

Глагол и его грамматические категории в старославянском и общегерманском языках

Как отмечалось выше, грамматические категории, их наполнение и синтетические способы формообразования также имеют множество пересечений в обоих изучаемых нами древних языках. В отличие от существительных и местоимений, в арсенале средств формообразования древнегерманских и старославянских глаголов присутствуют не только флексии и супплетивизм, но также спонтанное качественно-количественное чередование гласных в корне / внутренняя флексия / индоевропейский аблаут, получившие морфологическое значение. Речь идет о фонетико-морфологических чередованиях, возникших в праиндоевропейском языке в связи с изменением ударения в разных слогах одного корня (слабое ударение *-e-*, полное ударение *-o-*, безударная позиция *-ноль-*). В древнегерманских языках аблаут в основных формах сильных глаголов, индоевропейских по происхождению, применялся наиболее систематизировано и последовательно и отражен как чередование *e / i - a- ноль*.

Старославянские и древнегерманские глаголы выражали следующие грамматические категории: число (единственное, двойственное, множественное), время, лицо (1-е, 2-е и 3-е), наклонение, залог (действительный и медиопассив; следы медиопассива в современном английском языке – это такие глаголы, как *wear* и *wash*, например: *this fabric wears and washes well*), а старославянский еще и категорию вида, уже исчезнувшую в общегерманском, а также рода (мужской, женский, средний) как именные части речи.

В старославянском языке, помимо изъявительного, повелительного и сослагательного наклонения, было еще достигательное наклонение, обозначавшее цель действия при глаголах движения [Турбин, Шулежкова 2021]. Формы повелительного наклонения в старославянском, в отличие от общегерманского, спрягались по всем трем лицам и числам. Их было шесть.

Категория времени в общегерманском представлена формами настоящего и прошедшего времени / претеритума. В старославянском отражена более архаичная система форм: три формы будущего (простое и два сложных), четыре прошедшего (аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект) и одна настоящего.

Строго говоря, для старославянского языка актуальна не столько категория времени, сколько архаичная категория вида с аористом (индоевропейский *ноль*) и перфектом (индоевропейское *-o-*). Аорист обозначал мгновенные, недлительные действия и выражал древнее значение предшествования без соотнесенности с каким-либо временным планом. «Аорист обозначал действие, происшедшее до момента речи как единый непрерывный завершившийся акт» [Турбин, Шулежкова 2021, с. 155]. Перфект выражал законченное действие, результат которого существует в момент речи. «Перфект обозначал такое прошедшее действие, результат которого представлен в настоящем» [Там же, с. 161]. Германцы уже переосмыслили индоевропейское видовое противопоставление перфекта и аориста в категорию времени и заменили его формой претеритума.

Следы индоевропейского аориста и перфекта можно обнаружить в современных германских языках среди модальных глаголов (бывших претерито-презентных, составлявших отдельную морфологическую подгруппу в германских языках). Эти глаголы, сильные по своему происхождению, оформились в отдельный класс германских глаголов, когда распад древних видовых основ был уже завершен. Все без исключения претерито-презентные глаголы в бытность свою сильными глаголами обозначали не действия, а состояния, что также могло ускорить процесс распада древней системы основ в силу своей семантики. Новую жизнь данной группе германских глаголов дали уже сформировавшиеся к тому времени слабые глаголы со специальными осново- и формообразующими морфемами. Претерито-презентные глаголы позаимствовали у них дентальный суффикс для построения новых форм прошедшего времени, присоединявшийся к прежней основе перфекта (например, форма *meahte* в древнеанглийском языке) или аориста (модальный глагол *could*). Модальный глагол *can* – это застывшая форма перфекта (ступень – *a-*), переосмысленная в форму настоящего времени со сдвигом значения от «я узнал» к «я могу». Шведский инфинитив *kunna* *знать* – напротив, это застывшая форма

аориста (ступень *-ноль-* с эпентетическим, вставным гласным *-и-* *schwa indogermanicum*, развившимся в протогерманском перед слогообразующим сонорным *-п-*). То же самое можно сказать о современном прилагательном *cunning*, развившееся из основы древнего причастия *cunnen*. Последнее, в свою очередь, образовано по модели сильных глаголов III класса (*finden, bunden, druncen*).

Как и в латыни, санскрите и в древнегреческом, в старославянском сохранились формы имперфекта и плюсквамперфекта. Первые использовались для обозначения непрерывных, повторяющихся, длительных действий, происходящих в момент речи вне временных рамок. «Если имперфект отвечает на вопрос “Что было?”, то аорист – на вопрос “Что случилось?”» [Турбин, Шулежкова 2021, с. 160]. Вторые использовались для обозначения преждепрошедших или давнопрошедших действий, свершившихся до момента речи перед другим прошедшим действием [там же].

Синтаксис старославянского и общегерманского языков

Не ставя себе целью подробно разбирать особенности синтаксического строя старославянского и общегерманского языков, мы не можем не отметить ряд моментов.

1. Оба языка характеризовались свободным порядком слов в предложении. Свободный порядок слов предполагал дистантное расположение грамматически связанных между собой элементов.

2. Оба языка могли обходиться без структурного подлежащего в безличных предложениях (*me thinketh – мне думается*) ввиду наличия развитой морфологии с однозначными грамматическими суффиксами, указывавшими на падеж, лицо и время, с одной стороны, с другой стороны, благодаря сохранившимся формам медиопассива.

3. В простых и сложных предложениях сочинительная связь доминирует над подчинительной связью.

4. В обоих языках допускалось употребление нескольких показателей отрицания.

5. В обоих языках присутствовали обороты, относительно самостоятельные по смыслу. Речь идет о *дательном самостоятельном*, выполнявшем роль обстоятельств. Данный оборот состоял из двух частей: имени и причастия в дательном падеже. Тот факт, что

причастие употреблялось в дательном падеже, а не именительном, свидетельствует о том, что причастие в этом обороте независимо от подлежащего в грамматическом смысле. Более того, этот оборот грамматически не связан ни с одним из других членов предложения. «Фактически в этих случаях падеж оборота не зависит от управления глагола-сказуемого, что способствует обособлению оборота» [Гухман 1996, с. 229]. Отсюда происходит название *дательный самостоятельный*. По сути, это был абсолютный причастный оборот. В обоих языках подобные конструкции переводятся придаточными предложениями времени с союзом *когда*. Менее часто оборот мог приобретать другие обстоятельственные значения: причинное, условное, значения уступки, следствия. На происхождение данного оборота существуют две точки зрения. Первая утверждает, что этот оборот мог возникнуть только в письменную эпоху, отражая в богословских переводах оборот *родительный самостоятельный*, распространенный в древнегреческом языке. Вторая точка зрения находит параллели этой конструкции и в балтийских языках, то есть можно говорить об общеиндоевропейском ее происхождении.

Заключение

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать следующие выводы о грамматических изоглоссах, точках пересечения старославянского и общегерманского:

- 1) в обоих языках наблюдается близость именных частей речи, некогда представлявших собой древнеиндоевропейское нерасчлененное единство, типа *сыра земля* или *красно солнышко*. В русском и английском языках они до сих пор имеют одинаковые категории, хотя и в различной степени. В обоих языках присутствует такое явление как субстантивизация (*раненый, мороженое, в комнату вошли двое*);
- 2) и в старославянском, и в общегерманском соблюдаются одинаковые принципы распределения существительных по типам склонения в зависимости от тематических суффиксов, восходящих к их праиндоевропейским или общеиндоевропейским прототипам, отраженным также в латыни, древнегреческом и санскрите;
- 3) в обоих исследованных нами языках присутствуют именное и местоименное склонение;

4) и в старославянском, и в общегерманском первоначально отсутствовали личные местоимения третьего лица;

5) нами отмечено общее количество именных и глагольных категорий при некотором различии в их наполнении. Этому есть объяснение: германцы обособились по крайней мере на тысячу (если не на две тысячи) лет раньше;

6) оба языка характеризуются общими принципами организации своего синтаксического строя: свободный порядок слов, допущение двойного отрицания, безподлежащие безличные предложения, превалирование сочинения над подчинением, наличие одинаковых абсолютных причастных оборотов.

Отличия между двумя языками можно свести к следующему:

1) старославянский выглядит архаичнее, он сохранил видовые противопоставления в системе глагола, сильно напоминающие древнегреческий и санскрит. В нем более последовательно выражено двойственное число во всех частях речи. В современном русском и английском языках сохранились следы двойственного числа;

2) ударению в старославянском отведена важная роль различения грамматических форм. В общегерманском она отсутствует. Это можно объяснить теорией субстрата: древнегерманские племена смешались с неким неиндоевропейским этносом, ассимилированным ими. Позднее язык достоверно не установленного ассимилированного народа стал проявляться в особенностях артикуляции и характере ударения древних германцев, вызвав акцентный переворот. Ударение стало динамическим и закрепилось на первой корневой морфеме, подчинив себе весь язык и запустив тенденцию к неравноправию ударных и безударных гласных, что приводило к редукции последних и распространению омонимичных окончаний в грамматике. Последний факт мог ускорить переход к аналитизму в германских языках. Но с тех пор ударение утратило грамматическую функцию, сохранив смысловозначительную в некоторых словах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Гухман М. М. Готский язык. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 1996. [Guhman, M. M. (1996). *Gotskij jazyk (The Gothic language)*. Moscow: Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)].

- Стеблин-Каменский М. И.* Древнеисландский язык. М.: Ленанд, 2017. [Steb-
lin-Kamenskij, M. I. (2017). Drevneislandskij yazyk (The Old Icelandic lan-
guage). Moscow: Lenand. (In Russ.)].
- Турбин Г. А., Шулежкова С. Г.* Старославянский язык. М.: Флинта, 2021.
[Turbin, G. A., Shulezhkova, S. G. (2021). Staroslavjanskij jazyk (The Old
Slavonic language). Moscow: Flinta, (In Russ.)]